

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О МЕСТЕ И РОЛИ ВОЖДЕЙ В АФРИКАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

(По поводу статьи А. С. Орловой «О месте и роли традиционных властей африканского общества в прошлом и настоящем»¹).

Статья А. С. Орловой представляет большой теоретический и практический интерес. Она рассматривает ряд проблем, мало освещенных в советской историографии, и отличается правильной политической направленностью.

Многие выводы автора не вызывают сомнений, однако наряду с ними есть утверждения спорные или требующие уточнения.

Разделение автором всей Тропической Африки на две основные зоны в зависимости от степени развития общественных отношений вполне приемлемо. Автор совершенно правильно выделил пять основных районов древней государственности: степную полосу Западного Судана, Гвинейское побережье, южную часть бассейна Конго, Междоурье и области современных Южной Родезии и Южного Мозамбика. Но почему Восточный Судан и Эфиопия оказались вне этих районов, хотя известно, что именно здесь в древности существовали такие государства, как Аксум, Напата, Мероэ. По непонятной причине автор пропустил эти районы, отнеся их, вероятно, к Северной Африке, что абсолютно неправомерно.

Весьма спорно утверждение автора о том, что европейцы-колонизаторы, придя в XIX в. в Африку, лишь опирались на уже сложившийся или складывавшийся феодальный строй. Приход колонизаторов, а еще раньше — торговцев (в частности — работоторговцев) сыграл большую роль в развитии общественных отношений в Африке. Причем колонизаторы не только использовали сложившиеся феодальные производственные отношения, но и всей своей политикой способствовали их углублению, расширению и кое-где возникновению.

Именно приход колонизаторов сыграл определенную роль в дальнейшем развитии феодальных отношений в некоторых районах Африки. Поддерживая господствующие классы завоеванных государств или политических объединений, европейские империалисты усиливали позиции этих классов, а так как в ряде случаев правители являлись фактическими владельцами земли, то отношения между ними и рядовой массой земледельцев приобретали характер феодальных производственных отношений. Сам же автор статьи указывает на огромную роль английского аграрного законодательства в Уганде в укреплении позиций феодалов.

¹ «Сов. этнография», 1960, № 6.

Известно, что закон 1900 г. о земле закрепил феодальные права владыки страны Буганды — кабаки и большой массы вождей².

Спорно утверждение А. С. Орловой о наличии феодальных отношений во всех тех государственных образованиях, которые возникли до прихода европейцев на развалинах первобытнообщинного строя. Нам представляется, что феодальные отношения существовали лишь в некоторых из районов, очерченных автором. Несомненно, что господствующим общественным строем в Северной Нигерии, Бенине, Ашанти, Уганде, Западном Судане был феодализм. Но в других районах Африки, где имелись зачатки государственности, не обязательно возникало феодальное общество. Так, в государстве Мирамбо, образовавшемся в середине XIX в. в Восточной Африке у ньямвези, общественные отношения приняли форму военной демократии. Здесь земля была собственностью общины не только формально, но и фактически, и власть правителя основывалась на традиционных привилегиях, а также жреческих и военных полномочиях. Вожди, являвшиеся представителями наиболее зажиточной части населения, обладали определенной политической властью, но это не было связано с какими-либо их правами на землю³.

Наиболее спорно утверждение А. С. Орловой об исчезновении в указанных ею государственных образованиях с развитыми феодальными отношениями племени, как формы политической и общественной организации. Утверждение ее о сохранении лишь туманного представления о принадлежности к единой группе людей общего происхождения и одного наименования весьма сомнительно. Складывается впечатление, что в полемике с буржуазной историографией, которая стремится доказать всеобщую и закономерную отсталость африканского общества, автор преувеличивает уровень общественного развития Африки до прихода европейцев.

Конечно, племя и род возникают в период первобытнообщинного строя. Однако особенностью Африки является весьма длительное сохранение многих форм и обычаев первобытности, что, без сомнения, связано с воздействием внешних сил, а также со спецификой внутреннего развития Африки.

Внешние факторы — работорговля и колониальное закабаление, которые отбросили Африку и ее народы на много веков назад, — сыграли крайне отрицательную роль во всей последующей истории народов материка. Однако нам представляется, что имеются также внутренние, своеобразные черты самого африканского общества, которые сыграли определенную роль в отставании народов и в сохранении большого количества пережитков первобытнообщинного строя.

Определенное влияние на медленное развитие производственных отношений в африканской деревне имело сохранение крестьянской общины как самодовлеющего, экономически целостного объединения производителей.

Необходимо также отметить, что африканский феодализм целым рядом особенностей отличается от типов феодализма, сложившихся в других странах. Конечно, Африка развивалась по тем же законам, что и все человечество, но в разных районах этого континента возникали отличные друг от друга формы феодальных отношений, связанные с местными условиями. В то же время нельзя отрицать и того, что в Африке существовали определенные общие тенденции, наложившие свой отпечаток на различные формы феодальных отношений. Наиболее характерно отсутствие закабаления крестьян, а также широкое исполь-

² См.: R. Buell, *The Native Problem in Africa*, New York, 1928, т. I, стр. 590—599.

³ D. Westermann, *Geschichte Afrikas*, Köln, 1955, стр. 364—368.

зование сохранившейся родовой организации или ее пережитков. Отсюда значительная трудность изучения феодальных отношений в странах Африки не только в прошлом, но и в настоящем.

Возвращаясь к утверждению А. С. Орловой об исчезновении племени как общественно-политической формы, хотелось бы отметить, что на- вряд ли колонизаторы возродили термин «племя» и назвали по ассоциации феодалов и правителей «вождями» по собственному произволу. Можно не сомневаться, что все эти наименования или их синонимы существовали в тогдашней африканской действительности. Племя как объединение общин, имеющих общего предка и общую религию, и подчиненное одному, часто наследственному, правителю, сохранилось в Африке даже в районах образования феодальных государств⁴.

Вообще, сомнительно утверждение А. С. Орловой, что термин «вождь» был введен из-за ошибки или из-за стремления колонизаторов оживить пережитки родоплеменных отношений. В конце концов, если бы колонизаторы застали в Африке в достаточной степени сформировавшееся феодальное общество и феодальные отношения, то они назвали бы их соответственными терминами. Многие примеры опровергают посылки автора. Там, где европейцы встретили сильные государственные формирования, они не назвали правителей вождями, а сохранили местные туземные наименования, подразумевая под ними королей, герцогов, эмиров. Кабаку Буганды, мукаму Буньоро, оманехене Ашанти или алафина Ойо никто не называл вождями.

Сохранение в ряде районов Африки племен и вождей вполне закономерно и в некоторой степени связано с сохранением многочисленных пережитков первобытнообщинных отношений.

Не совсем ясно сформулировано утверждение автора о том, что работорговля привела к позднему и бурному развитию рабовладельческого уклада в Африке. По всем признакам автор имел в виду усиление рабовладения в результате работорговли, ибо как уклад, причем в его самой примитивной форме, оно возникало значительно раньше и прослеживается почти у всех народов Африки. Другое дело, что работорговля привела к целым экспедициям по ловле рабов, сделала пленение врага целью межплеменных войн.

Очень интересны в статье А. С. Орловой описание и анализ положения вождей после империалистического раздела Африки. Приводимый автором факт превращения назначенных французскими властями кантональных вождей в феодалов крайне важен и дает ключ к пониманию многих классовых изменений, происшедших в странах Африки в XX в. Надо сказать, что подобное положение характерно не только для стран бывшей Французской Африки. Та же картина наблюдалась, например, в Сомали и в Танганьике.

У народа сукума, самого многочисленного в Танганьике, многие наследственные вожди были вопреки традициям смещены и английскими властями на их место были поставлены лица из числа рядовых общинников. Получив в свои руки некоторую власть над членами племени и право наблюдения за распределением земель, эти вожди превратились в феодалов. Подобные явления наблюдались и у других народов и племен Танганьики: у хайя, ньямвези, гого⁵.

⁴ О существовании племени как политического объединения пишут такие различные авторы, как: J. D a n q u a h, *Gold Coast: Akan law and custom and the Akim Abuakwa constitution*, London, 1928; R. Buell, *The Native Problem in Africa*, New York, 1928; С. Меек, *Land tenure and land administration in Nigeria and the Cameroons*, London, 1957.

⁵ D. Malcolm, *Sukumaland. An African People and their Country*, London, 1953, стр. 28; Н. Согу, *Sukuma law and custom*, Oxford, 1954, стр. 119—129; его же, *Customary Law of the Haya tribe*, London, 1945, стр. 113—127.

А. С. Орлова совершенно правильно осветила цели и задачи косвенной системы управления, ее характер и содержание. Эта система была создана английскими чиновниками для удобства управления и всецело опиралась на наиболее консервативные стороны жизни африканских народов. Введением косвенной системы управления английские власти на много лет задержали развитие политической жизни в ряде стран Африки. Недаром такой апологет колониальной политики англичан, как М. Перхэм, писала, что «наибольшая заслуга системы состоит в придании туземным институтам устойчивости»⁶. Иначе говоря, косвенная система управления предусматривала сохранение на долгий период власти вождей. Правда, в ряде случаев превращение племени в своего рода административную единицу оказывалось в противоречии с политикой предоставления «устойчивости» племенным институтам. К сожалению, концепция А. С. Орловой об исчезновении племени как объединения привела к тому, что был обойден вопрос об использовании племен и их традиционной территории в качестве административной единицы.

Так, например, населяющие отроги Килиманджаро джагга (или чагга), жившие до колонизации небольшими родами, были искусственно объединены в несколько племен, а затем даже в одно племенное объединение (между прочим, А. С. Орлова ошиблась, утверждая, что джагга были разделены империалистами)⁷.

Джагга были настолько недовольны созданием должности верховного вождя, что английские власти вынуждены были провести в 1960 г. референдум, который привел к отмене этой должности и созданию совета из представителей различных племен и родов во главе с избранным президентом⁸.

Административная деятельность англичан по соединению и разединению племен хорошо видна на примере народа сукума. В послевоенные годы английские власти в Танганьике создали федерацию сукума, объединение народа, у которого ничего подобного никогда не было. Сукума жили отдельными племенами, возглавляемыми вождями — нтеми, и создание федерации проводилось лишь для удобства управления. С этой же целью английские власти сменили многих традиционных вождей сукума, назначив на их место рядовых общинников, которые, как уже отмечалось, скоро приобрели ту же самую власть, что и их предшественники.

Среди сукума и ряда других племен и народов Танганьики феодальные отношения настолько тесно связаны с пережитками патриархальных отношений, что их правильнее было бы назвать патриархально-феодальными. Подобные отношения существовали еще до прихода европейцев, и превращение вождей в чиновников местной администрации мало изменило их взаимоотношения с соплеменниками. В некоторых случаях произошло даже укрепление позиции феодалов.

По поводу наличия феодальных отношений у сукума, хайя, сумбва и других народов Танганьики хотелось бы отметить, что в основном все они базируются на двух видах ренты: отработочной и ренты продуктами. Их сохранение и даже развитие оказывают определенное влияние на положение в стране, ибо, как известно, обе эти формы таят в себе причины отставания и застоя. Причем обе эти формы ренты встречаются во многих странах Африки. Денежная рента занимает пока значительно меньшее место во взаимоотношениях крестьян с феодалами.

Тезис А. С. Орловой об антифеодальном характере происходящей в Африке революции подтверждается всей историей стран Африки, осо-

⁶ M. Perham, *Some problems of indirect rule in Africa*, London, 1934, стр. 4.

⁷ «African World», London, июнь 1952, стр. 2; «Journal of African Administration», London, 1953, т. V, № 3, стр. 134—135.

⁸ «Sunday News», Dar es Salam, 18 декабря 1960.

бенно в последние годы. В течение всего колониального периода вожди являлись основной опорой колонизаторов и вернейшими их союзниками в борьбе с народными освободительными движениями.

И теперь, какие бы позиции феодалы ни занимали в период общенационального движения за освобождение, они остаются носителями наиболее реакционных тенденций внутри африканского общества, и борьба с ними неизбежно возникает при упорении государственной самостоятельности. Наглядным подтверждением этого является история самостоятельных Ганы и Гвинеи. Конечно, имеются отдельные исключения, так как некоторые завоевавшие независимость страны просто не имеют феодалов (как, например, республика Конго со столицей в Браззавиле); есть страны, где феодалы участвовали в освободительном движении, и вопрос о борьбе с ними не приобрел еще своей остроты (например, в Нигерии).

Реакционность вождей можно наглядно обрисовать на примерах из истории Танганьики.

В 1953 г. на этой подопечной территории развернулась активная борьба передовых африканцев за введение избирательной системы.

В эти дни вождь сукума Кихаха Маквайя и вождь народа хехе Чопра выступили против самой идеи наделения африканцев избирательными правами. «Мы не готовы к выборам,— говорил Маквайя,— так как африканцы не способны голосовать»⁹. Вождь джага Томас Марееалле, выступая в 1957 г. перед членами Совета по опеке, заявил, что предоставление независимости Танганьике возможно не ранее, чем через десять—пятнадцать лет¹⁰. И эти слова произносились в тот момент, когда возглавлявший освободительное движение «Национальный Союз африканцев Танганьики» требовал предоставления независимости в ближайшие несколько лет. Тот же Марееалле в беседе с немецким журналистом Груббе говорил, что он против предоставления независимости Танганьике, ибо страна может оказаться «перед ночью фанатичного движения масс, руководимых людьми, которые ничего не имеют и поэтому ничего не смогут потерять»¹¹.

Понятно, что борьба с феодалами как носителями политической реакции и как представителями господствующего класса, сдерживающего развитие стран, приобретает все большее значение в Африке.

При рассмотрении положения вождей А. С. Орлова, к сожалению, не остановилась на таком важном факте, как обуржуазивание этого класса.

Очень многие вожди в ряде стран Африки становятся на капиталистический путь эксплуатации крестьянства, применяя, правда, и старые феодальные методы.

Трудно также согласиться с утверждением, будто большинство классовых обществ Африки к моменту империалистического раздела находились на стадии феодализма. Правильнее было бы сказать, что здесь наблюдалось довольно сложное переплетение различных укладов, находящихся в той или иной степени развития. Наряду с феодальными отношениями внутри африканского общества существовали первобытно-общинные отношения, находящиеся в различной степени разложения, и рабовладельческие отношения.

Опубликование статьи А. С. Орловой сыграло весьма положительную роль в нашей научной жизни, дав толчок к оживленной и интересной дискуссии и обратив внимание советских африканистов на ряд мало разработанных проблем истории африканских народов.

В. Я. Кацман

⁹ «East Africa and Rhodesia», London, 1953, т. 30, № 1518, стр. 298.

¹⁰ «ООН. Доклад Совета по опеке за период с 15 августа 1956 года по 12 июня 1957 года», Нью-Йорк, 1957, стр. 26.

¹¹ R. Grubbe, Die Trommeln verstummen. Wiesbaden, 1947, стр. 125.

SUMMARY

Analysing A. S. Orlova's article («The Place and Role of Traditional Authorities of African Society in the Past and in the Present», «Sovetskaya Etnografiya», № 6, 1960) the author considers that before the 19th century feudal relationships had taken shape in far from all areas of Tropical Africa enumerated by A. S. Orlova.

The author also contends A. S. Orlova's statement concerning the disappearance of the tribe as a form of political and social organization in the feudal African states indicated by her. The tribal structure which arose within the primitive communal system was preserved in Africa even in the areas where feudal states took shape. The institution of tribal leaders in itself has extremely archaic roots.

With the establishment of the colonial regime the tribal leaders were transformed into the officials of the colonial administration.

At present the traditional leaders are the bearers of the most reactionary tendencies in African society; the consolidation of state sovereignty is inevitably bound up with struggle against these leaders.

* * *

Статья А. С. Орловой «О месте и роли традиционных властей африканского общества в прошлом и настоящем»¹ рассматривает ряд актуальных вопросов, важных не только в научном отношении, но имеющих также большое политическое и практическое значение для молодых африканских государств. Вопросы эти до сего времени слабо разработаны как в советской, так и зарубежной африканистике.

А. С. Орлова дает глубокий научный анализ систем колониального управления, правильно освещает и такой важный вопрос, как последствия работорговли для народов Тропической Африки. Работорговля и европейская колонизация не только надолго задержали социально-экономическое развитие народов Африки, но далеко отбросили их назад. Можно привести много примеров в подтверждение этих выводов и положений автора.

Интересна и постановка вопроса о правомерности употребления термина «вождь» применительно к африканской действительности периода проникновения европейцев в Африку. В тот период у африканских народов шел процесс разложения общинно-родового строя и становления классового общества; изменялись, естественно, и функции традиционных властей. К тому же колонизаторы старались создать надежную систему управления поработенными народами, обеспечивающую им наиболее эффективную эксплуатацию неисчерпаемых богатств Африки. Своих ставленников на местах они стали называть вождями, но функции этих вождей не соответствовали традициям и нормам общинно-родового строя.

Это отмечает, например, Манукян у народов Северной Ганы: «Клань без традиционной системы вождей управляется старостами, которые называют себя в настоящее время „вождями“ и представляют новую власть вождей»². Но нам представляется, что А. С. Орлова сильно преувеличивает развитие феодальных отношений у африканских народов и недооценивает распространение общинно-родовых отношений.

Чтобы определить способ производства того или иного общества, необходимо исследовать в первую очередь его производительные силы и производственные отношения. К сожалению, в большинстве исторических работ мало проанализированы производительные силы африканского общества. Ни слова о них нет и в статье А. С. Орловой. Между тем, как

¹ «Сов. этнография», 1960, № 6.

² М. Манукян, Tribes of the Northern territories of the Gold Coast, London, 1952, стр. 52.

указывает Карл Маркс, «Таковую же важность как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»³.

Политика колонизаторов сводилась к тому, чтобы превратить колонии в аграрно-сырьевые придатки метрополий и всячески тормозить развитие их производительных сил. В результате этого 90% африканского населения и сейчас занято в сельском хозяйстве, и основными сельскохозяйственными орудиями до сего времени остаются мотыга и катлас. Даже деревянная соха — редкое явление в африканской деревне. Например, в 1947 г. на Мадагаскаре из 53 крестьян только один имел соху; в Гвинее одна соха приходилась на 30 крестьян; в Нигерии 137 сох на 250 тыс. крестьян⁴. Отсюда ясно, что орудия производства, применяемые большинством населения Тропической Африки, характерны не для феодального, а для менее развитого способа производства. А именно уровень развития производительных сил определяет и характер производственных отношений.

Для большей части народов Тропической Африки основой производственных отношений в деревне в настоящее время является все-таки сельская община, основанная уже не на кровнородственных отношениях, а по территориальному принципу. По религиозным воззрениям большинства африканцев, земля является собственностью предков и принадлежит всему народу, а вождь — ее хранитель и вместе с советом старейшин распоряжается ею. Такое воззрение переходило и переходит из поколения в поколение.

До сего времени земледелие ведется примитивным подсечно-огневым или переложным способом, наносящим большой ущерб хозяйству. Например, в Либерии ежегодно уничтожаются тропические деревья ценных пород на площади 30 тыс. акров, что приносит убыток около 1 млн. долларов⁵.

Для того чтобы расчистить участок от тропического леса, необходимы колоссальные затраты физического труда. Через год-два (в зависимости от выращиваемой культуры) участок забрасывается, он становится собственностью общины, его старый владелец теряет право на него. После восстановления плодородия почвы этот участок может принадлежать любому члену общины и совершенно необязательно, что он вновь достанется прежнему владельцу. Получить землю не представляет затруднения. Вначале члены общины сами выбирают участок, затем с различными подношениями идут к вождю и просят разрешения на обработку выбранного ими участка. Как правило, вождь единолично решает этот вопрос, не спрашивая мнения совета старейшин. Трудность заключается не в получении земли, а в том, что, применяя примитивные сельскохозяйственные орудия, африканцы не в состоянии обработать достаточное количество земли. Поэтому богатым считается тот, кто имеет много рабочей силы. Эти отношения характерны в настоящее время не только для Либерии и северных территорий Ганы, но и для многих районов Тропической Африки.

Существование сельской общины почти во всех странах Тропической Африки признается многими учеными-африканистами. «Крестьянская

³ К. Маркс, Капитал, т. I, М., 1949, стр. 187.

⁴ «Положение сельского хозяйства и крестьянства в колониях и других слаборазвитых странах», М., 1958, стр. 386.

⁵ «Listener», 15 января 1961 г.

поземельная община, — пишет И. И. Потехин, — действительно сохранилась в тропических странах Африки. В ней уже имеются элементы разложения (выделение капиталистической прослойки, появление частной собственности на землю); в одних странах процесс разложения общины зашел уже далеко, в других он еще мало заметен. Но почти во всех странах существование крестьянской общины является непреложным фактом»⁶.

Общезвестно, что сельская община является переходной формой от бесклассового общества к классовому, в ней сочетаются элементы как частной, так и общественной собственности.

В колониальной Тропической Африке земля у большинства африканских народов до сих пор является общественной собственностью (хотя и имеются отдельные элементы частной собственности), и сельская община продолжает оставаться основой производственных отношений в африканской деревне. В этой связи вызывает сомнение утверждение А. С. Орловой, что в большей части Африки уже в VIII—XV веках господствовали феодальные отношения и «лишь часть Африки жила в условиях первобытно-общинного строя. Лишь в применении к этой части Африки и только для этого времени мы можем говорить о вождях племен»⁷.

Изучение социально-экономических отношений в африканских обществах имеет большое политическое и практическое значение. Завоевав независимость, народы Африки хотят построить новое общество, свободное от эксплуатации человека человеком, с развитым сельскохозяйственным и промышленным производством. Естественно, встает вопрос о путях построения нового общества с учетом конкретных условий, сложившихся в странах Тропической Африки.

Существование сельской общины облегчает переход африканских народов к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что общинная собственность на землю может стать исходным пунктом коммунистического развития при условии, если пролетариат экономически развитой страны одержит победу и окажет соответствующую помощь народам слаборазвитых стран. В. И. Ленин уделял большое внимание вопросу о некапиталистическом пути развития экономически слаборазвитых народов. Он неоднократно указывал, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁸.

В настоящее время, когда образовалась мировая социалистическая система, перед народами Африки открываются широкие пути некапиталистического развития. Они имеют реальную возможность перенять богатый опыт социалистического строительства в Советском Союзе и других социалистических странах и получить всестороннюю бескорыстную помощь и могучую поддержку, в которой они нуждаются, со стороны мировой системы социализма.

Какой путь развития изберут народы Африки — это внутреннее дело самих африканцев. Прогрессивные и более дальновидные африканские лидеры, хорошо знающие социально-экономические условия в современной Африке, делают правильные выводы о пути развития африканских народов. Выступая на открытии первой конференции народов Африки.

⁶ И. И. Потехин, Африка смотрит в будущее, М., 1960, стр. 20.

⁷ А. С. Орлова, О месте и роли традиционных властей африканского общества в прошлом и настоящем, «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 95.

⁸ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 31, стр. 219.

президент Ганы д-р Кваме Нкрума говорил: «В обширных сельских районах Африки существует общинное землевладение, и народ работает на основе кооперации и взаимной помощи. Таковы главные черты, все еще господствующие в африканском обществе, и мы ничего не можем сделать лучшего, как приспособить их к требованиям более современной социалистической структуры общества»⁹.

Первые результаты деятельности сельскохозяйственных кооперативов в Гвинее, Гане, Мали и других странах, популярность их среди населения наглядно подтверждают реальную возможность некапиталистического пути развития для африканских народов.

В статье А. С. Орловой совершенно правильно отмечено, что африканские народы находились и находятся на различных ступенях социально-экономической лестницы и было бы неправильным рассматривать африканское общество как нечто единое. Это относится и к отдельным странам. Уровень развития производительных сил и производственных отношений в районах Центральной Ганы резко отличается от Северных территорий. В Ашанти и Прибрежных районах сложились новые, более развитые отношения, которые необходимо учитывать, ибо, как указывал В. И. Ленин: «Никакие кредиты, никакие мелиорации, никакая „помощь“ крестьянину, никакие излюбленные бюрократами и либералами меры „содействия“ не дадут никаких серьезных результатов, пока остается гнет крепостнических латифундий, традиций, систем хозяйства. И наоборот, аграрный переворот, уничтожающий помещичье землевладение и разрывающий старую средневековую общину (национализация земли, например, разрывает ее не полицейским, не чиновничьим путем), непременно послужил бы основой замечательно быстрого и действительно широкого прогресса»¹⁰.

Некоторые ученые считают сложившиеся у ашанти отношения характерными для феодального общества, другие отрицают это. Не удивительно поэтому та бурная дискуссия, которую вызвал доклад И. И. Потехина на XXV Конгрессе востоковедов о феодализме у ашанти. Действительно, у ашанти уже сложилось классовое общество, устройство которого характерно для эпохи феодализма, но в нем еще сильны родовые отношения. Земля у ашанти считается собственностью предков и принадлежит всему обществу. За каждой общиной закреплена определенная, но не имеющая точных границ территория. В связи с быстрым развитием культуры какао, горнодобывающей промышленности и лесоразработок значительно возрос спрос на землю. Возникли многочисленные тяжбы из-за границ. Так, например, Беккет, сделавший подробный обзор деревни Аकोкоасо, указывает, что на тяжбы из-за границ с соседними двумя деревнями жители этой деревни израсходовали только за 1929—1933 гг. 1200 фунтов стерлингов¹¹. Это слишком большое бремя для населения Аकोкоасо. Среднегодовой доход деревни составляет всего около 3,5 тыс. ф. ст., причем 60% хозяйств имеют доход менее 10 ф. ст. в год¹².

Полноправные члены общины владеют обрабатываемыми участками земли, за что они выполняют определенные повинности и делают вождю различные подношения. Вождь под видом взимания сборов и подношений присваивает прибавочный продукт общинников.

Необрабатываемые земли полностью находятся в ведении вождя, который вместе с советом старейшин, а чаще всего единолично, распоря-

⁹ Цитируется по кн.: И. И. Пстехин, Африка смотрит в будущее, М., 1960, стр. 10.

¹⁰ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 15, стр. 71.

¹¹ W. H. Beckett, Akokoaso. A survey of Gold Coast village, London, 1944, стр. 30.

¹² Там же, стр. 51. Среднегодовой доход деревни и процент хозяйств вычислены нами.

жается ими (сдает в аренду иностранным концессиям, выделяет наделы новым поселенцам и т. д.). Никто, кроме вождя, не знает, на каких условиях предоставлена земля тому или иному лицу или иностранной компании. Доходы вождя, получаемые им за сдачу в аренду необрабатываемой земли, в сущности никем не контролируются. Если члены совета старейшин получают какую-то долю от этих сделок, то рядовые общинники не получают ничего.

Нередки и сейчас случаи, когда иностранные компании получают право добывать полезные ископаемые и вести лесоразработки всего за несколько фунтов стерлингов, истратив их на различные подношения (главным образом, спиртные напитки) вождю, оформив эту сделку соответствующими документами. В то же время у пришлых поселенцев нет никаких документов на право пользования землей, и новый вождь снова требует платы за землю¹³. Общественность Ганы настоятельно требует в настоящее время пересмотра всех прав иностранных компаний на эксплуатацию природных богатств страны и упорядочения законодательства о землевладении.

У ашанти распространена также кабальная издольная система, называемая «абуса», по которой $\frac{2}{3}$ собранного урожая идет владельцу земли и только $\frac{1}{3}$ — арендатору. Собственниками земель в большинстве случаев являются вожди и старосты деревень.

В ашантийской деревне господствует ростовщический капитал; в среднем около 75% крестьян имеют ростовщическую задолженность¹⁴. Все эти факты говорят о том, что у ашанти феодальные отношения получили значительное развитие. Эволюция производственных отношений у ашанти подтверждает предположение А. С. Орловой о том, что феодальные отношения начали складываться в недрах первобытнообщинного строя.

Но не следует забывать, что ашанти — это наиболее развитая народность не только в Западной, но и во всей Тропической Африке. Отношения, сложившиеся у ашанти, не типичны для большинства районов Тропической Африки.

Нам представляется, что у большинства африканских народов в период европейской колонизации шел процесс разложения первобытнообщинного строя и образования классового общества, и лишь у некоторых наиболее развитых народов феодальные отношения получили широкое распространение.

Нельзя полностью согласиться и с выводами А. С. Орловой о том, что «как правило, правители африканских государств шли на сговор с английским империализмом, предавая свои народы ради сохранения собственных прерогатив и права эксплуатировать эти народы»¹⁵. Ведь даже немногочисленные факты, приведенные в статье, свидетельствуют об участии традиционных вождей в упорной борьбе африканских народов против колонизаторов. Об этом свидетельствуют семь войн народа ашанти и длительная героическая борьба матабеле и машона против английских поработителей.

Французские власти, например, смещали и расстреливали представителей традиционных властей, активно боровшихся против завоевателей¹⁶. Длительную борьбу против колонизаторов вели и правители государств Межозерья¹⁷. Нет необходимости продолжать эти примеры. История африканских народов насыщена героикой борьбы против европейских поработителей и угнетателей.

¹³ «Report of the Committee on agricultural indebtedness», 1957, стр. 31.

¹⁴ Там же, стр. 22.

¹⁵ «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 99.

¹⁶ Там же, стр. 96.

¹⁷ Там же, стр. 99.

Безусловно, были и такие вожди, которые предавали интересы своего народа и прислуживали своим новым хозяевам, но их было явное меньшинство, большинство же представителей традиционных властей выступало вместе с народом против завоевателей и не мирилось с жестокой эксплуатацией своих народов европейскими колонизаторами.

Это же соображение необходимо учитывать при рассмотрении вопроса об участии представителей традиционных властей в национально-освободительном движении африканских народов на современном этапе.

П. И. Куприянов

SUMMARY

Entering into polemics with A. S. Orlova («The Place and Role of Traditional Authorities of African Society in the Past and in the Present», «Sovetskaya Etnografiya», № 6, 1960), the author analyses the rural commune in Tropical Africa and raises the question of the possible ways of the further development of the African village.

While admitting a considerable progress of feudalism among the Ashanti, the author believes that the case of the Ashanti, the best-developed people of Tropical Africa, is not typical of the greater part of other areas, where the process was taking place of the disintegration of the primitive communal system and the emergence of a class society.

The author does not agree with the statement made by A. S. Orlova to the effect that the traditional tribal leaders for the most part betrayed the interests of their peoples in the struggle against the colonialists, and cites several examples to illustrate the participation of these leaders in the struggle waged by the African peoples against the European invaders.
